

ספר

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

Педагогический Центр Ваага

Межрегиональный Центр преподавания иврита

**Язык иврит:
исследование
и
преподавание**

Материалы Девятой Ежегодной международной
междисциплинарной конференции по иудаике

Москва 2002

УДК 811.411.16`08(063)

ББК 81.2Ивр

**Издание осуществлено при финансовой поддержке Американского
Еврейского Объединенного Распределительного Комитета (ДЖОЙНТ)
и
Фонда Л.А. Пинкуса по поддержке еврейского образования в диаспоре**

בסיוע הקרן לחינוך יהודי בתפוצות ע"ש ל' א' פינקוס, ישראל

**Published with the support of the American Jewish Joint
Distribution Committee (JDC)
and
the L. A. Pincus Fund for Jewish Education in the Diaspora, Israel**

**Общая редакция:
А.А. Крюков, Е.Б. Марьянчик**

ISBN 5-901683-63-3

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах “Сэфер”, 2002
© Педагогический Центр Ваада, 2002
© Межрегиональный Центр преподавания иудаики, 2002
© Коллектив авторов, 2002

Формы квантора существования и выражение экспрессивности в экзистенциальных предложениях в иврите

В свете концепции дихотомии языка и речи, лежащей в основе современных синтаксических исследований, принято при анализе речевых выражений рассматривать не конкретные высказывания, а объективно закреплённые в языке структурные схемы, по которым они строятся. Именно схемы конструкций предложений, а не конкретные высказывания являются собственным предметом синтаксиса, а определение характера и связей этих конструкций – задачей синтаксического исследования [1].

Под структурной схемой предложения понимается минимально достаточное сочетание взаимообусловленных элементов, в соответствии с которым могут быть образованы коммуникативные единицы с определённым типовым семантическим содержанием. Анализ структурной схемы должен обеспечить выявление информативного содержания данной структурной схемы, представленное в абстрагированном виде как закреплённое в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла. В это содержание могут входить следующие аспекты: нормативность или ненормативность предложения, составленного по данной структурной схеме, семантический класс, к которому оно относится, наличие или отсутствие в нём стилистической окрашенности, состав компонентов, находящихся в коммуникативном фокусе. При этом предполагается, что каждой структурной схеме соответствует нейтральная интонация, поскольку изменение интонации может привести к смещению коммуникативного фокуса. Предполагается также, что критерием нормативного стилистически нейтрального предложения является возможность его употребления в повседневной разговорной речи [2].

В настоящей статье анализируется корпус предложений современного иврита, включающих квантор существования «уеѡ» – *есть, имеется, присутствует* и т.п. Особенность этих предложений состоит в следующем [3]:

1. С точки зрения содержания эти предложения отличаются от именных предикатных предложений, устанавливающих отношение между субъектом и его предикативным признаком. В то время как предикатные предложения выражают идею отождествле-

ния, характеристики, указания на действие или состояние и т.д., предложения, содержащие квантор существования в общем случае передают идею существования объекта;

2. Формальная структура предикатных предложений содержит неопределенный компонент, который выполняет функцию сказуемого. Предложения, содержащие квантор существования, также содержат, в общем случае, неопределенный элемент, обозначающий объект, в отношении которого выносится суждение о существовании. В отличие от предикатных предложений в рассматриваемых ниже предложениях этот элемент выполняет функцию формального подлежащего.
3. В качестве элемента формального сказуемого в этих предложениях выступает квантор существования «уеџ», который фигурирует только в предложениях, грамматическое время которых является настоящим, а для передачи аналогичной идеи в прошедшем или в будущем времени вместо него используется вспомогательный глагол «lihyot» - *быть* в соответствующем времени, числе и роде;
4. Слово «уеџ» не содержит формальных признаков, по которым можно было бы вынести суждение по его отношению к категории определенности-неопределенности. Крайне затруднительно также отнести это слово к какой-либо части речи.

Для записи структурных схем предложений в настоящей статье приняты следующие обозначения:

Pr (pronoun) – личное местоимение;

Ad_p (adverbial modifier of place) – обстоятельство места;

PP (prepositional phrase) – предложное словосочетание;

P (preposition) – предлог;

N⁺ – имя в состоянии определенности;

N⁻ – имя в состоянии неопределенности;

Минимальной теоретически возможной моделью предложений, включающих квантор существования, является двухкомпонентная структура, первым членом которой является слово «уеџ», а вторым – именное слово в состоянии неопределенности:

$$\text{уеџ} + \text{N}^- \quad (1)$$

В качестве примера конкретной реализации данной структуры приведем несколько предложений, взятых из библейских текстов [4], имеющих большое значение в современном иврите [5]:

а) *Yeš ,exad, ve,eyn šeni* (Eccl, 4:8) – *бывает одинокий, и нет никого другого.*

б) *Yeš davar, šeyomar...* (Eccl, 1,10) - (дословно) *есть слово, которое скажет...*

в) *Yeš li rav ,axi...* (Gn, 33:9) - *есть у меня много (всего), брат мой...*

г) *Yeš šever bemicraim...* (Gn, 42:1, 2) - *есть хлеб в Египте...*

д) *Yešno 'am exad ... behol medinot...* (Esth, 3:8) - *имеется один народ ... во всех странах...*

Из этих примеров, а также из многих других, встречающихся в литературе на иврите, следует, в частности, что с точки зрения контекста собственно базовая двухкомпонентная структура недостаточна для формирования завершеного предложения. Из приведенных примеров вытекает, что эта структура образует базис для сложносочиненного (а) или сложноподчиненного предложения [6]. Структура (1) может также дополнена до контекстуально-независимого простого предложения путем добавления предложно-местоименного словосочетания (в) или адвербиального компонента (г). Квантор существования может фигурировать в предложении в сочетании с местоименным суффиксом (д).

В качестве примера реализации структурной схемы [1] рассмотрим предложение

yeš ,or -

есть свет. Семантикой данного предложения является экзистенциальность, т.е. указание на существование некоторого объекта или класса объектов. Область существования объекта в таких высказываниях ничем не ограничена, она не получает лексического обозначения и только подразумевается. Высказывания, построенные по структурной схеме (1) почти не встречаются в современном иврите.

С другой стороны, с формальной точки зрения по этой схеме образуется самодостаточное предложение, т.е. сочетание квантора существования «*yeš*» и именного слова в состоянии неопределенности образует предикативную структуру. Подтверждением формальной предикативности структуры (1)

является возможность употребления предложения «yeš ,or» в качестве придаточного, например: «hu ,amar šeyēš ,or» – *он сказал, что есть свет* (например, в ответ на вопрос: «Что сказал электрик?»).

Предложения, составленные по схеме (1), можно рассматривать как частный случай значительно более употребимых экзистенциальных высказываний, область существования объекта в которых ограничена и лексически конкретизирована. Рассмотрим возможные варианты расширения данной схемы, например, с помощью обстоятельства места, являющимся показателем области существования объекта [6]:

$$\text{yeš} + \text{N}^- + \text{Ad}_p, \quad (2)$$

например, «yeš ,or baxeder» - *есть свет в [данной] комнате.*

Порядок слов в данном предложении является нормативным, само предложение является стилистически нейтральным. В коммуникативном фокусе данного предложения находится слово «,or» - *свет.*

Путем изменения порядка элементов в структурной схеме (2) получим следующие варианты реализации идеи экзистенциальности:

$$\text{Ad}_p + \text{yeš} + \text{N}^-, \quad (3)$$

например, «baxeder yeš ,or» - *в [данной] комнате есть свет.*

Порядок слов в данном предложении является допустимым, само предложение является стилистически окрашенным. В нем логическое ударение падает на слово «,or» - *свет,* которое располагается в коммуникативном фокусе данного предложения.

Возможен также и следующий порядок слов:

$$\text{yeš} + \text{Ad}_p + \text{N}^-, \quad (4)$$

например, «yeš baxeder ,or» - (дословно) *есть в [данной] комнате свет.*

Порядок слов в предложении (4) является допустимым, по своей стилистике оно относится к разговорному регистру. В коммуникативном фокусе данного предложения располагается словосочетание «baxeder ,or» - *в [данной] комнате свет.*

Возможен также следующий порядок слов:

$$*\text{N}^- + \text{yeš} + \text{Ad}_p, \quad (5)$$

например, «,or yeš baxeder» - (дословно) *свет есть в [данной] комнате.* Символом * (звездочка) здесь и далее обозначены теоретически возможные, но грамматически некорректные предложения.

Порядок слов в данном предложении не является нормативным, он допустим только в контексте, например, «*hem babayit, ,or yeš baxeder*» - *Они дома, свет есть в комнате*. Или «*,or yeš baxeder velo, xošeñ*» - *Свет есть в комнате, а не темнота*.

Предложение (5) является стилистически окрашенным, в нем логическое ударение падает на слово «,or» - *свет*, которое располгается в коммуникативном фокусе данного предложения.

Квантор существования «yeš» в структурной схеме (2) формально является избыточным. Если его опустить, то получим схему

$$N^+ + Ad_p, \quad (6)$$

например, «,or baxeder» - *свет в [данной] комнате*, которое имеет то же смысловое значение, что и предложение (2). Предложения, составленные по структурной схеме (6), относятся к классу назывных, и должны формально рассматриваться как одночленные.

Однако при альтернативном порядке слов в схеме (6):

$$Ad_p + N^-, \quad (7)$$

мы снова получаем экзистенциальное предложение «baxeder ,or» - *в [данной] комнате свет*, которое стилистически относится к регистру разговорной речи, как, например, в высказывании: «*tir, u, baxeder ,or*» - *смотрите, в [данной] комнате свет*.

Квантор существования «yeš» может быть использован в структурной схеме (2) в сочетании с местоименным суффиксом:

$$yešno + N^+ + Ad_p, \quad (8)$$

например, «yešno ,or baxeder» - (дословно) *имеется [он] свет в [данной] комнате*. Обычно квантор существования «yeš» в сочетании с местоименным суффиксом переводится, словом *присутствует*).

Порядок слов в данном предложении является нормативным, стилистически данное высказывание относится к регистру формальной речи.

Если в базовой структурной схеме (1) вместо имени существительного в состоянии неопределенности подставить имя существительное нарицательное в состоянии определенности или имя собственное, то эта схема примет вид:

$$yeš + N^+, \quad (9)$$

например, «уеѣ моѣ» - *есть Моше*.

Предложения, составленные по схеме (9), являются бессмысленными, и их анализ релевантен только при наличии в данной схеме адвербиального расширения, например

$$N^+ + \text{уеѣно} + \text{Ad}_p, \quad (10)$$

например, «моѣ уеѣно бахедер» - *Моше присутствует [он] в [данной] комнате*.

Порядок слов в структурной схеме (10) является нормативным, предложения, составленные по ней, стилистически относятся к регистру формальной речи. Семантически эти предложения являются локативными, т.е. указывающими на место положения объекта.

Квантор существования «уеѣ» в сочетании с местоименным суффиксом в структурной схеме (10) является избыточным. Опустив его, получим схему:

$$N^+ + \text{Ad}_p, \quad (11)$$

например, «моѣ бахедер» - *Моше в комнате*. Данное предложение имеет ту же семантику, что и предложение, построенное по схеме (10). Порядок слов в нем является нормативным, оно является стилистически нейтральным.

Расширение структурной схемы (1), возможно также и с помощью словосочетания, состоящего из предлога *le-* и именного слова в состоянии определенности. Если данное именное слово является личным местоимением, то схемы (1) примет вид:

$$\text{уеѣ} + \text{PP} + N^-, \quad (12)$$

где $\text{PP} = \text{P} + \text{Pr}$, например, «уеѣ *li kise*,» - (дословно) *есть у меня стул*, обычно переводится: *у меня есть стул*. Порядок слов в данном предложении является естественным, само предложение является стилистически нейтральным. Семантикой предложения (12) является посессивность, т.е. указание на факт обладания объектом, причем предложное словосочетание указывает на обладателя объекта.

В коммуникативном фокусе данного предложения находится слово «*kise*,» - *стул*.

Возможен вариант структурной схемы (12), который не содержит квантора существования «уеѣ»:

$$\text{PP} + N^-, \quad (13)$$

где $\text{PP} = \text{P} + \text{Pr}$, например, *li kise*, - (дословно) *у меня стул*, которое имеет ту же семантику, что и предложения, построенные

по схеме (12). Стилистически данное предложение воспринимается как архаичное.

Порядок слов в структурной схеме (12) может быть другим:

$$PP + ye\check{s} + N^-, \quad (14)$$

где $PP=P+Pr$, например, *li ye\check{s} kise*, - (дословно) *у меня есть стул*.

Порядок слов в данном предложении является допустимым, оно является стилистически окрашенным. В нем логическое ударение падает на слово «*li*» - *у меня*, которое находится в коммуникативном фокусе данного предложения.

Если в позиции первого компонента оказывается именное слово в состоянии неопределенности, то структурная схема (12) примет вид:

$$*N^- + ye\check{s} + PP, \quad (15)$$

где $PP=P+Pr$, например, *kise, ye\check{s} li* - (дословно) *стул есть у меня*.

Порядок слов в данном предложении не является естественным, оно подразумевает либо привязку к некоторому контексту, либо наличие некоторого продолжения, например: «*kise, ye\check{s} li velo, \u015bulxan*» – *стул есть у меня, а не стол*. В этом предложении логическое ударение падает на слово «*kise*,» – *стул*, которое находится в коммуникативном фокусе данного предложения.

Имя существительное в структурной схеме (15) может находиться в состоянии определенности:

$$ye\check{s} + PP + N^+, \quad (16)$$

где $PP=P+Pr$, например, *ye\check{s} li hakise*, - (дословно) *есть у меня [данный] стул*, обычно переводится: *у меня есть [данный] стул*.

Предложение, построенное по структурной схеме (16), включает в качестве формального подлежащего именное слово в состоянии определенности, что свидетельствует о предыдущем упоминании объекта, обозначаемого данным именным словом. Таким образом, реализация структурной схемы (16) возможна только в привязке к контексту, либо в сложно-сочиненных предложениях, например, «*ye\check{s} li kise, \u015bedibarnu ,alav*» - *у меня есть стул, о котором мы говорили*.

Порядок слов в данном предложении является естественным, само предложение является стилистически нейтраль-

ным. В коммуникативном фокусе данного предложения находится словосочетание «уеš li».

Структурная схема (16) допускает альтернативный порядок слов:

$$*N^+ + \text{уеš} + \text{PP}, \quad (17)$$

где PP=P+Pr, например, *hakise, уеš li* - (дословно) [*данный*] *стул есть у меня*.

Реализация данной структурной схемы возможна только в привязке к контексту, порядок слов в ней не является естественным. Предложение, построенное по схеме (17), является стилистически окрашенным, в нем логическое ударение падает на предложное словосочетание.

Если структурная схема (1) получает расширение с помощью словосочетания состоящего из предлога *le-* и именного слова в состоянии определенности, не являющегося личным местоимением, а, например, именем собственным или именем нарицательным в сочетании с определенным артиклем, то данная схема примет вид:

$$\text{PP} + \text{уеš} + N^+, \quad (18)$$

где PP=P+N⁺, например, «*lemoše уеš kise,*» - *У Моше есть стул*.

Порядок слов в данном предложении является естественным, само предложение является стилистически нейтральными. Информационным содержанием данного предложения является посессивность, т.е. указание на факт обладания объектом, причем предложное словосочетание указывает на обладателя объекта. В коммуникативном фокусе данного предложения находится слово «*kise,*» - *стул*.

Важным отличием структурной схемы (18) от схемы (12) является положение квантора существования «уеš»: в схеме (12) квантор существования «уеš» находится в препозиции к предложному словосочетанию, а в схеме (18) – в постпозиции к нему.

Порядок слов в схеме (18) может быть другим:

$$\text{PP} + \text{уеš} + N^+, \quad (19)$$

где PP=P+N⁺, например, «*уеš lemoše kise,*» - (дословно) *есть у Моше стул*. Порядок слов в данном предложении является допустимым, само предложение является стилистически окрашенным. В нем логическое ударение падает на слово «уеš», которое располагается в коммуникативном фокусе данного предложения.

В структурной схеме (18) квантор существования «уеџ» является формально избыточным. Опуская его, получим следующую структурную схему:

$$PP + N^-, \quad (20)$$

где $PP=P+N^+$, например, «*lemoše kise,*» - (дословно) у *Моше стул*. Данное предложение стилистически воспринимается как архаичное.

Если в позиции первого компонента структурной схемы (20) оказывается именное слово в состоянии неопределенности, то она примет вид:

$$*PP + \text{уеџ} + N^-, \quad (21)$$

где $PP=P+N^+$, например, «*kise, уеџ lemoše*» - (дословно) *стул есть у Моше*.

Порядок слов в данном предложении не является естественным, оно подразумевает либо привязку к некоторому контексту, либо наличие некоторого продолжения, например: «*kise, уеџ lemoše velo, ŝulhan*» – *стул есть у Моше, а не стол*.

В коммуникативном фокусе данного предложения находится слово «*kise,*» – *стул*.

В структурной схеме (18) имя существительное, обозначающее объект обладания, может находиться в состоянии определенности:

$$PP + \text{уеџ} + N^+, \quad (22)$$

где $PP=P+N^+$, например, *lemoše уеџ hakise,* - у *Моше есть [данный] стул*. Предложение, построенное по структурной схеме (22), включает в качестве формального подлежащего именное слово в состоянии определенности, что свидетельствует о предыдущем упоминании объекта, обозначаемого данным именным словом. Таким образом, реализация структурной схемы (22) возможна только в привязке к контексту, либо в сложно-сочиненных предложениях, например, «*lemoše уеџ kise, ŝedibarnu ,alav,*» - у *Моше есть стул, о котором мы говорили*.

Порядок слов в предложении, построенном по схеме (22) является естественным, само предложение является стилистически нейтральным. В его коммуникативном фокусе находится словосочетание «*уеџ lemoše*».

Порядок слов в структурной схеме (22) может быть другим:

$$\text{уеџ} + PP + N^+, \quad (23)$$

где $PP=P+N^+$, например, *yeş lemoşe hakise*, - (дословно) *есть у Моше [данный] стул*. Порядок слов в данном предложении является допустимым, само предложение является стилистически окрашенным. В нем логическое ударение падает на квантор существования «*yeş*», который находится в коммуникативном фокусе данного предложения.

Если в структурной схеме (22) именное слово в состоянии определенности оказывается в позиции первого компонента, то она примет вид:

$$N^+ + yeş + PP, \quad (24)$$

где $PP=P+N^+$, например, *hakise, yeş lemoşe* - (дословно) *[данный] стул есть у Моше*. Данная структурная схема может быть реализована только в рамках некоторого контекста, например, в ответ на вопрос: «*lemi yeş hakise, ?*» - *у кого есть [данный] стул?*

В коммуникативном фокусе данного предложения находится предложное словосочетание «*lemoşe*» - *у Моше*.

Приведенный выше анализ показывает, что информационным содержанием предложений, содержащих квантор существования «*yeş*», может являться [7]:

- экзистенциальность, т.е. указание на факт существования некоторого объекта или понятия (схемы 1-9);
- локативность, т.е. указание на местоположение некоторого объекта (схемы 10-11);
- посессивность, т.е. указание на факт принадлежности некоторого объекта его обладателю (схемы 12-24).

По структурной схеме (2), образуются стилистически нейтральные предложения, относящиеся к классу экзистенциальных предложений. Любое изменение порядка слов в этой схеме приводит к изменению ее информативного содержания.

Так, при постановке адвербиального компонента в схеме (2) на первую позицию, более сильный акцент получает именное слово, обозначающее объект, о существовании которого выносится утверждение, а само предложение приобретает стилистическую окрашенность (схема 3). Аналогичное заключение можно сделать в отношении схемы (7), в которой квантор существования формально отсутствует.

Перевод адвербиального компонента в схеме (2) на вторую позицию приводит к его включению в коммуникативный фокус предложения (схема 4).

Отметим, что именное слово, являющееся формальным подлежащим в предложениях, образованных по схемам 1-8, находится в состоянии неопределенности, поскольку оно входит в предикат суждения и, поэтому не является знаковым заместителем конкретного предмета или класса предметов. Подстановка вместо него именного слова в состоянии определенности приводит к предложениям, полностью лишенным смысла (схема 9).

Вместе с тем, встречаются предложения, образованные по схеме (10) и включающие именное слово в состоянии определенности и квантор существования «уеџ» в сочетании с местоименным суффиксом. В зависимости от контекста, такие предложения могут быть отнесены либо к классу характеризующих (предикатных), либо к классу локативных предложений. Таким образом, актуализация имени, обозначающего объект, в отношении которого выносится суждение о существовании, выводит его из класса экзистенциальных.

Предложения (12)-(24) характеризуются наличием словосочетания, состоящего из предлога *le-* и именного слова в состоянии определенности. Исходя из значения предлога, эти предложения относят преимущественно к классу посессивных. Вместе с тем, в отдельных случаях может возникать неоднозначность при отнесении этих предложений к тому или другому семантическому классу. Так, предложение «уеџ *li tikwa*» - *у меня есть надежда* относится к классу посессивных. В то же время, предложение «уеџ *tikwa la'avoda*» - *есть надежда у работы* относится к классу экзистенциальных предложений. Возникающая при этом неоднозначность не связана с лексическим содержанием наполняющих его компонентов, и поэтому невозможно разделить все имена существительные, входящие в предложное словосочетание, на подгруппы (например, одушевленные и неодушевленные имена существительные), с тем чтобы отнести анализируемое предложение тому или другому семантическому классу. Решение этой задачи лежит вне рамок синтаксического анализа.

Отметим структурные схемы (12) и (18), по которым образуются стилистически нейтральные предложения. Изменение порядка слов в них приводит к тому, что слово, оказывающееся в позиции первого компонента предложения, располагается в его коммуникативном фокусе и выделяется в речи более акцентированно (схемы 14, 15, 19, 20).

Если именное слово, выражающее объект обладания, будет находиться в состоянии определенности, то, с одной стороны, это будет указанием на контекстуальную зависимость этого предложения, а, с другой стороны приведет к смещению коммуникативного фокуса, в котором окажется квантор существования «уеџ» и предложное словосочетание (схемы 16, 17, 22, 23, 24).

Особый интерес представляют предложения, в которых квантор существования «уеџ» формально отсутствует (представлен нулевым компонентом). Для предложений экзистенциальной семантики (схема 2) удаление квантора существования приводит к переходу этих предложений в класс назывных (одночленных) (схема 6). Для предложений локативной семантики (схема 10), относящихся к регистру формальной речи, удаление квантора существования приводит к переходу к нейтральному регистру (схема 11). Для предложений посессивной семантики (схемы 12 и 18) удаление квантора существования приводит к тому, что вновь образованные предложения воспринимаются как архаичные (схемы 13 и 20).

Библиография

1. Лебедев В. В. Отрицательные предложения и вопросы арабского синтаксиса. Издательство Московского университета. 1989.
2. Балли Ш. Французская стилистика. УРСС. М., 2001.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Издательство «Наука». М., 1976.
4. Пять книг Торы. Первые и последние пророки. Кетувим (Писания). Издательство «Мосад арав Кук». Иерусалим, 1975.
5. Рабин Х. Краткая история иврита. //В кн. "Иврит – язык возрожденный". Библиотека "Алия", №107. Тель-Авив, 1990.
6. Rubinshtein E. Ha-Mišpat ha-šemani. (Именное предложение). Издательство Ha-Kibbus ha-me'uxad. Tel-Aviv, 1969.
7. А.Ю.Айхенвальд. Современный иврит. М., "Наука", 1990.

Об авторах

Ваксман Татьяна Викторовна, аспирантка ГКА им. Маймонида.

Вайнштейн Александр Исаакович, зав. кафедрой иврита Академии "Туро"; доцент ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Друскинас Залманас Ицикович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.

Дубова Ольга Львовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Едовичукий Михаэль (ד"ר מיכאל ידוביץקי), Ph.D., директор отдела языка, культуры, высшего образования и искусства по СНГ и Восточной Европе департамента образования Еврейского Агентства для Израиля.

Зыскин Игорь Владимирович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Княжицкий Игорь Аркадьевич, старший преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Колода Светлана Александровна, преподаватель иврита Горловского педагогического университета (г. Горловка Донецкой области, Украина)

Крюков Александр Александрович, к. и. н., доцент ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой иврита Еврейского университета в Москве.

Марьянчик Евгений Борисович, к. т. н., доцент, зав. кафедрой иврита ГКА им. Маймонида; зам. зав. кафедрой еврейских языков ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пашаева Зарифа Эльхановна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Свет Марианна Викторовна, преподаватель ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Токаренко Татьяна Александровна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Тутельман Софья Михайловна, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Флиштов Сергей Михайлович, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Френкель Лия Менделевна, преподаватель иврита еврейского педагогического колледжа "Махон Хая Мушка".

Шибанова Татьяна Валериевна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Шор Лариса Давидовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шпекторова Наталия Ивановна, преподаватель иврита ГКА им. Маймонида и Еврейского Университета в Москве.

Шпирко Илья Николаевич, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.